

Андрей Каргин

Как братья. Побочный эффект

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Геннадиевич Каргин
Как братья. Побочный эффект

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67698834

SelfPub; 2022

Аннотация

Есть ли настоящая мужская дружба или же её не может быть в принципе, поскольку она противоречит мужской природе.

Содержит нецензурную брань.

Андрей Каргин

Как братья.

Побочный эффект

– Лёня, Веня, майнэ киндер, скорей идите кушать латкес, пока горячие! Кто ещё побалуует вас, как не бобэ? Родителям всё некогда, всё некогда! Мойте руки и живо за стол.

– Вчера подрались, – и чего не поделили!?! – а сегодня опять вместе, не разлей вода...

Две аккуратно и со вкусом одетых пожилых дамы не торопясь прогуливаются по дорожкам парка. У дам ежедневный променад. Одна высокая, статная, с пышной причёской, вышагивает величественно, с достоинством, другая – маленькая, сухонькая, со смешливым, подвижным лицом, держит подругу под руку, фактически, висит у той на руке. Дамы абсолютно не похожи друг на дружку, но каждая по своему красива, интересна, со своим шармом, со своей изюминкой. Внешность их несколько необычна для этих мест, одежда изысканная, из дорогих материалов, но давно уже, мягко говоря, вышедшая из моды. В осеннем парке одного из сибирских городков, они выглядят как две, случайно залетевшие в эти северные края экзотические птицы. Видно со

стороны, что их связывает давняя и очень близкая дружба. Дамы ведут неспешный разговор на колоритной смеси русского и идиш. Если прислушаться, речь их звучит забавно и необычно, говор совсем не местный, южный, мелодичный, напевный.

– Лёничка мой, книгочей из книгочеев, совсем зачитался, ночами даже с фонариком под одеялом читает, представляешь? А гройсэ хохэм. Вот, говорит, бабуля, вырасту, стану учёным, изобрету такой препарат, чтобы ты жила долго-долго и всегда-всегда была со мной, – со слезами и спазмом в горле говорила Двойре Ефимовне Белла Марковна, и многозначительно замолкала, давая той время и намек прочувствовать, так сказать, момент, а заодно – вспомнить её покойного деда Рувима, образованнейшего и умнейшего человека, ребе одного из местечек под Вильно (есть в кого мальчику быть умным!), откуда обе родом, ибо, действительно, подружки были неразлучны, можно сказать, с самого рождения, и всю свою немалую и непростую жизнь. Неудивительно, ведь ещё их дедушки и бабушки, а потом и родители дружили семьями до самой своей кончины. Двойра Ефимовна понимающе и многозначительно вздыхала, после чего, выдержав нужную паузу, вставляла уже свою реплику про любимого внука Венечку: "Все учителя в один голос говорят – Венечка очень способный мальчик, но такой неусидчивый, терпения совсем нет". И добавляла тихонько: "Такой шейгэц, такой шейгэц, да и девочками опять-таки очень интересуется,

прямо с ума сходит, то по одной шиксе, то по другой, такой влюбчивый, просто – ойц! а они – то – по нему, все углы дома пообосцали, где тут ему учиться, прямо "Санта-Барбара" какая-то"!

Сценарии разговоров этих двух пожилых дам были написаны давным-давно, им, по большому счету, и говорить то было не нужно, они, мало того, что жили по соседству, и так знали всё друг о дружке, и о своих семьях, фактически – одной своей большой мишпухе, – за столько-то десятков лет дружбы какие могут быть секреты!? – обо всех бедах и радостях, которые, к слову, всегда честно делили поровну, обо всех недостатках и достоинствах, болячках, привычках и особенностях каждого члена семьи. Не всё хорошо было, не всё гладко за долгие-долгие годы жизни, но, как говорится, слава Б-гу за всё! Борух Ата Адонай Элогэйну Мэлэх Га-Олам!... Впрочем, обе были не религиозны. Внуков своих обе любили самозабвенно, преданно и безоглядно.

Летели годы...

– Соня, я тебя люблю, выходи за меня замуж.

–Лёня, прости, не обижайся. Ты очень хороший, ты умница!... Встретишь хорошую девушку, полюбишь и она тебя обязательно полюбит, ты такой славный, поженитесь, деток заведёте...

Белла Марковна:

– Лёначка мой совсем заучился, живёт там, в своём университете, можно сказать. А что поделаешь, аспирант, кандидатскую пишет, учёный. Биолог-зоолог, одержимый просто своей наукой, ни на что больше времени нет! Препарат всё изобретает, который мне ещё в детстве обещал. С девушкой только вот всё никак не познакомится... Забежал на днях, курочку ему приготовила покушать, как он любит. Говорю ему: "Большой ты уже, Лёначка, герцеле, о семье подумать пора. Вон, погляди, у Гуревичей какая дочка хорошая выросла на выданье, Фирочка. Красавица и готовит как – пальчики оближешь! И семья обеспеченная, у Гуревича столько гелт – миллионы, а он для любимой доченьки ничего не пожалеет, жить будете как у Христа за пазухой". Нет, не хочет, шлимазл такой, ни в какую. Даже на смотрины отказался идти категорически! Умру, не успею пристроить мальчика в хорошие руки! Гарцвейтик, как подумаю об этом. Вейз мир!

Двойра Ефимовна:

– Слава Б-гу, в армию Венечку не заберут, пока в институте на инженера учится, а там военная кафедра, отсрочку дали. Дальше видно будет – как Б-г даст. Девушка у него гутэ такая, Сонечка. Приводил ко мне знакомиться. А шейн мейдэлэ. Из наших, вроде бы. Не успела распросить её, недолго погостили у меня совсем. Жениться собираются, остепенит-

ся, может быть наконец, гулёна.

"Ушли" подружки как-то вдруг, тихо, скромно, одна за другой. Первой, спокойно, во сне, без мучений, как праведница, Белла, а следом, не задержавшись, и Двойра: как же Беллочка там одна, без неё? Осиротели мальчишки без своих бобэ.

"Быстро годы текут беспросветные..." Наступило жестокое время перемен.

– Я дико, безумно устала от этой нищеты, постоянной нехватки денег, неустроенности, я больше не могу так жить! Бездарно, беспросветно!...

– Соня, не кричи так...

– Молчи свой рот, дай сказать хоть раз в жизни! Ты такой же шмок, как твой закадычный дружок Лёня, ничуть не лучше! "Он мне как брат, мы выросли вместе!..." Точно – брат! По несчастью, блядь! Два поца! Сидите, протираете свои тухес, ты – в своей шарашкиной конторе – ни украсть, ни заработать, он – в нищем своём университете! Кандидат наук, блядь, светило, хронически голодное! Дрессировщик тараканов! Чего ждёте, блядь, не пойму!? Жизнь пролетает мимо вас и мимо нас, что ещё хуже! Под сорок лет обоим, и ни Б-гу свечка, ни черту кочерга! Я уже не помню, когда Лизке обновку брала, о себе вообще молчу! В отпуск не ездим, в ресторан не ходим! Сапоги три года ношу! Годами всё

лето кверху жопами на грядках на шести сотках крестьянствуем, блядь, за мешок картошки и три морковки! Пока вы со своим дружком – гениальным учёным, высокоинтеллектуальные беседы ведёте, судьбы мира решаете, пиздите о всякой хуйне, время уходит! Нормальные люди деньги делают всюю, живут полной жизнью! Я не молодею, Лизка растёт! Дружку твоему-то ладно – ни кола, ни двора и ни сада! Ни ребёнка, ни котёнка! Ни с одной бабой ужиться не может! Понятно же, кому нахуй нужен нищий пиздабол со своими дрессированными тараканами!? Да и ты не лучше! Какая я была дура, что вышла за тебя! Думала – какой мальчик, какой мальчик! Симпатичный, темпераментный, перспективный какой! Да, потрахаться ты любишь, это у тебя здорово получается, гуру секса, блядь! Только перепихонами ведь не прожить! Хотя, что это я, можно очень даже хорошо жить! Хоть бы на панель устроились, что ли, так нет – мы же порядочные интеллигенты! Аристократы из штетла! И с перспективами у нас с тобой получился полный пиздец!

– Соня, успокойся, прошу тебя, Лиза же всё слышит!... Что ты как с цепи сорвалась? Скоро всё наладится у нас. Мы с Лёней придумали один проект, он выделил и синтезировал препарат...

– Ха! Лиза слышит! Беспокоится он! Ты бы лучше беспокоился, что ей носить нечего, подросток ведь, девочка, в школу стыдится идти в обносках многолетних! И не говорит ведь тебе ничего, любит тебя, никчёмыша, непонятно за что,

жалее! "Татэле, татэле!..." Едим одну картошку с макаронами, мясо по праздникам видим! Проект они придумали, препарат синтезировал! Миллион раз слышала эту бредятину блевотную, заебали меня уже твои тухлые майсы вконец! Короче, кончилось моё терпение, мы с Лизой уходим! Надоело! Мне, чтоб ты знал уже, сделал предложение один очень хороший, обеспеченный человек...

...

В село, раскинувшееся просторно и вольно у подножья гор, среди садов, полей и виноградников, отряд вошел сразу после обстрела танками и минометами.

День был жаркий безветренный, пыль от разрывов ещё не улеглась. Несколько разрушенных обстрелом домов горели, чадя и стреляя лопающимися стеклами, среди тишины замершей деревни.

Танки стреляли недолго и немного, и сейчас стояли на краю деревни, заглушив двигатели. Деревня была небольшая. По словам командира Пети (так он представился отряду при знакомстве), активного сопротивления оказать в ней было просто некому. Мужчины, которых не убили раньше, ушли к боевикам в горы, остались только женщины, дети и старики. Но "за пострелять" было договорено "наверху" и оплачено. Отряд шёл на "зачистку" неторопливо, настороженно ощетинившись стволами. Деревня словно затаилась, не дыша. Людей живых или убитых видно не было и даже

скотина молчала, только где-то вдали тьякала и подвывала собака, одиноко и неэмоционально.

После недавней танковой пальбы прямо над ушами, звуки доносились до Лёни глухо, как из тумана, и шел он в полупрострации – в полунирване, пребывая в странно притягательном ощущении, словно тело его – сосуд, наполненный гулкой тишиной, в самом центре которой тонко и сверляще гудела натянутая струна, звук которой, отражаясь от внутренней поверхности кожи – стенок сосуда, не находил выхода, накапливаясь и накапливаясь внутри, не имея выхода. Окружающие его запахи то исчезали совсем, то наваливались вдруг, остро ипряно, и как-то по отдельности: гари, пороха и пота, а затем – свежести, свежеиспеченного хлеба, горящих дров, жареного мяса, или же – нагретой листвы, цветов, травы. Предчувствие, предощущение неизвестного важного события напрягало, но и возбуждало. В паху у Лёни вдруг потяжелело, потеплело, напряглось в полуготовности его естество. Непроизвольно, оставив курок автомата, Лёня то и дело поправлял член и яйца, сжав в горсти и чуточку, легонько потряхивая и потягивая, отчего в чреслах появлялись приятные тянущие, томные ощущения. Томительно и сильно хотелось двинуть тазом, и женщину хотелось до головокружения. Тут же вспоминалось, как в детстве, после просмотра фильма с эротической сценой, шёл зимним вечером домой, проделав дырку в кармане дублёнки и достав из штанов дико напряжённый изнывающий, вибрирующий, го-

товый взорваться, лопнуть с треском член...

Мыслей не стало совсем, только полное, обостренное, сладостное ощущение своего здорового сильного и гибкого тела, только запах своего чистого пота (накануне искупались всем отрядом в искусственной запруде, устроенной местными жителями, чтобы солнце нагревало воду текущей с гор неглубокой, по колено, но ледяной, быстрой, сильной и чистой реки).

Страха тоже не было, было ощущение новизны, необычности ситуации,

первая спецоперация, всё же. Лёне казалось временами, будто бы он участвует в съёмках полнометражного художественного фильма, или в сверхреалистичной компьютерной игре, перенесенной в реальность. На периферии сознания мелькали яркие кадры из любимого им Тинто Брасса: пышные женские попы, груди, пухлые, заросшие лобки роскошных, чувственных, прелестных итальянок. От этих картинок, от всего происходящего Лёнина голова кружилась, а естество восстало и завибрировало мощно приятно и гулко упираясь в штаны. Просторный мультикам с полной снарягой успешно скрывали происходящие с Лёней изменения.

Парадоксально, если вдуматься, это выглядело со стороны: чужая земля, война, кровь, риск быть убитым "не понарошку", зной, чад от горящих домов, оружие, а Лёня дико до

головокружения, изнурительно, жадно желал женщину каждой клеткой здорового зрелого тела и не мог думать больше ни о чём.

Шёл третий день их пребывания в зоне локального конфликта. Женщины у Лёни небыло больше месяца, для сорокалетнего, почти абсолютно здорового мужчины – большой срок.

Новизна ощущений, южная экзотика, походная жизнь, война, адреналин, обостряли его природную чувственность, к тому же утренний "косяк" здорово "зашёл" и продолжал радовать удивительно долгим "послевкусием". "А может быть начал действовать препарат?" – с надеждой подумал Лёня. Предыдущие два дня приема никакого видимого эффекта на них с Веней, увы, не оказали. Трудно им было справиться с разочарованием – столько надежд, столько планов связано с этим препаратом, столько лет труда ему отдано. Они и завербовались на войну, только чтобы на самих себе проверить действие препарата в реальной боевой обстановке, ибо, по Лениным расчетам, именно стресс должен был активировать его, запустить механизм возникновения сверхчеловеческих способностей в их организмах, и тем самым сделать из них, абсолютно мирных, по сути, людей, этих сверхвоинов. И "косяк" Лёня с Веней выкурили с утра с отрядом от разочарования, крушения таких огромных надежд на будущую богатую и счастливую жизнь. Мечтатели,

романтики, спасители человечества! Алкоголь в отряде был жёстким табу, а то бы они, хоть и были совсем не выпивохи, выпили лучше водки.

Между тем сознание всё чаще стало выходить из под Лёниного контроля, и справляться с этим обстоятельством становилось всё труднее и труднее.

Именно благородное стремление испытать созданный Лёней препарат на себе, не подвергая риску посторонних людей, привело этих двух, выращенных и воспитанных заботливыми бабушками, неплохо образованных стараниями родителей, умных, по своему интересных и интересующихся мужчин-мальчиков, романтиков с пёстрыми генами и неудачными, увы, судьбами, шлимазлов, олухов, но вовсе даже не негодяев, в эти опасные места, где им совсем было не место.

Да, они из были из племени тех, кто готов решать судьбу человечества, страны, всего мира, жарких спорщиков, неистовых "домашних" трибунов и ораторов, из тех, кто громко и страшно грозитя убить всех негодяев всеми изверскими способами, но намеренно убить не смогут никого и никогда, ибо в своей жизни не зарезали даже курицы с целью пропитания, но безутешно, горько и долго плакали в детстве по умершему от старости хомяку, получив психологическую травму на всю жизнь. Из тех, кто плачет над стихами,

над книгами, плачет, слушая музыку, кто рос под неусыпной опекой мам, бабушек. Из тех, кто, не сказать, чтоб сильно, любил физкультуру, но беззаветно любил книги...

"Нас мало – юных, окрылённых, не задохнувшихся в пыли..." Аз ох ин вей!

Они из тех, чью генетическую патологическую доброту и способность к состраданию, сопереживанию, интеллигентность, порядочность, а ещё – лиричность, тонкое чувство прекрасного, тактичность, интеллигентность, до конца не убьёт проза жизни: предательства любимых, потери близких и родных, житейская несостоятельность, нереализованность, неуспешность, ибо – неподлость, нековарство, незлобивость, непредприимчивость – их хромые "коньки-горбунки" на ухабистых дорогах судьбы. Куда они могут вывезти своих хозяев?

Веня, который вечно по жизни опережал Лёню, на этот раз шел в нескольких шагах позади. Несмотря на одолевающий его морок, краем глаза Лёня заметил, как Веня в одиночку, вопреки приказу командира, зашёл во двор одного из домов, на первый взгляд не пострадавшего от обстрела, впрочем, заметно стараясь перемещаться грамотно, как учил командир Петя на коротком инструктаже. Со стороны, повоевавшему человеку, наверное, показалось бы смешным и наигранным такое Венино перемещение, и с головой выдало бы дилетанта, да и одному заходить в чужой враждебный дом

логически неправильно, должен всегда кто-то прикрывать спину, страховать. "Не дай Б-г с ним что-то случится, как я посмотрю в глаза его родителям, его Лизочке", – подумал Лёня, и двинулся к дому, во двор которого уже просочился Вени. Открыв добротную, кованую, не скрипнувшую даже калитку, Лёня осторожно зашёл в просторный двор, полностью закрытый виноградными лозами с тяжелыми гроздьями поспевающего темно-красного и белого винограда, вокруг которых вились, жужжа, маленькие чёрные осы. Солнце насквозь пронизывало лозы, его лучи празднично отражались на чисто подметенных чёрно-серых плитах дикого камня, которым был вымощен двор. Пылинки плавно кружились в воздухе, освещённые лучами солнца, умиротворение и покой окутывали пространство двора, отсекая всё, что осталось за калиткой. Мирная и чудная картина приглашала к покою. Вени нигде не было видно. Аккуратно и сторожко ступая, поводя стволом автомата, который почему-то вдруг стал казаться неуместным, лишним в этом месте и в этот момент, и даже как-будто мешал, Лёня, действуя автоматически, двинулся в обход высокого серокирпичного дома цоколь которого выложен был из того же камня, что и двор, продвигаясь к видневшейся в глубине двора калитке, ведущей в сад, откуда ему послышался лёгкий шум. Медленно войдя в огромный, пышный, яркий всеми оттенками зелёного, благоухающий южными ароматами сад, и оглядевшись, Лёня углядел метрах в двадцати небольшое каменное стро-

ение, разрушенное, по видимому, попаданием миномётного снаряда. Оглядываясь по сторонам, поглядывая на пустые, но как-будто бы зло и пристально следящие за ним окна дома, поводя стволом автомата, Лёня двинулся к развалинам строения, возле которого ему показалось какое-то движение. Между тем внутри Лёни всё активнее развивалась странная "химия", принятая им с Лёней два дня назад согласно эксперименту, ради которого они, собственно, здесь и оказались. Как там, интересно, Веня себя чувствует? – вскользь подумалось Лёне. Между тем, передвигаясь рефлекторно, как в фильме-боевике, внутренне Лёня уже себе не принадлежал, а весь состоял из плотной массы необычайно сильных ощущений, переполнявших его тело и сознание, в глубине которого мелькали, пересекаясь, образы из "Терминатора", Тинто Брасса и, почему-то, "Апокалипсиса" Копполлы, сменяющимися цветными линиями, подобными огромным пучкам проводов, броуновскому движению молекул, точками, фигурами, пульсаром, спиральями. И – непрерывный гул, вибрация, техномузыка, оркестр в каждой частице его организма. Редкие мысли были поверхностны и уместны именно и только к этому моменту, и только с ним и связанные. Тело звенело и пело, сила распирала Лёню, однако, такая до странности спокойная, не бешенная, доселе им неведомая, но какая-то непреклонная, и это состояние почему-то воспринималось им естественно и просто, как должное. Внутри Лёни как будто неостановимо текла лава. Он состоял сейчас из двух ипо-

стасей: первая, внешняя, подобная оболочке, действующая по уставу, согласно боевому заданию, с автоматом в руках, и вторая – внутренняя, многоликая и многогранная, мощная, всеобъемлющая, разрушительная и созидательная одновременно, но пока полудреmlющая, спокойная. Сила, не поддающаяся и не подлежащая полному осознанию, а просто и естественно воспринимаемая всем Лёниным существом. Лёня двигался и действовал как по наитию. Вени нигде небыло видно.

Лёня почувствовал внезапно, как его состояние резко изменилось: едкий пот защипал глаза, потёк по спине, паху, ногам, руки с силой сжали автомат, он ощутил, как внутренняя нирвана как будто стала утекать через глаза, полуоткрытый рот, уши, стало расти напряжение и постепенно овладевать им, усиливалась агрессия, сжались с силой челюсти. Волны ярости и покоя чередовались раз за разом. Двигаясь как робот-андроид, медленно, крадучись, вокруг развалин, источающих свежий запах пороха, Лёня вновь ощутил перемену своего состояния: исподволь, но уверенно и цепко, могучие пряные ароматы южного дня, уже клонящегося к вечеру, пышного, полного травами, деревьями и кустарниками сада, неповторимый глубинный запах нагретой солнцем земли, проникли в него, овладевая, покоряя и будя в подсознании воспоминания о предках из таких же южных, или ещё южнее, земель, так же возделывавших землю и защищавших её, и, смешавшись со второй ипостасью, породили в

Лёне поистине ядерный коктейль. Запахи всегда сильно действовали на Лёню, а в теперешнем, обострённом, состоянии их действие становилось просто абсолютным. Обойдя руины по часовой стрелке, пребывая в экстатическом мороке, но внешне блюдя инструкцию, осторожно выглянув из-за угла, зрением, ставшим подобным зрению стрекозы, Лёня видит в двух-трёх метрах от руин на груди камней лежащую ничком молодую женщину в традиционной для этих мест одежде. Видимо, во время обстрела она находилась в постройке или рядом с ней, и её отбросило взрывом. Фактически женщина полулежала животом и телом на камнях, в сторону сада, руки вытянуты вдоль тела, ноги полусогнуты в коленях, бедра и приподнятый зад обращены к Лёне. Поза её была безумно, бесконечно влекущей. Лицо женщины повернуто к Лёне, глаза закрыты, в щёлке приоткрытого рта виднелись белые ровные зубы. Лёня мгновенно и жадно рассмотрел её всю – яркую, безумно красивую дикой, первозданной красотой: чёрные вьющиеся волосы, белую кожу щёк, покрытую ярким румянцем, черные брови, полные сочные губы. Видимых повреждений на ней не было заметно. Вероятно, контуженная взрывом, она находилась в беспомощности. "Тинто Брасс бы охуел навсегда!", – подумал Лёня остатками разума. Юбки её задралась, открыв белые пышные, прекрасной лепки ягодички с укромно темнеющим анусом и маленькими волосками вокруг него, слегка раскинутые полные ноги приоткрывали поросшее темным кудрявым волосом лоно, темные ред-

кие волоски на ногах ничуть не умаляли её привлекательности, скорее даже наоборот, ещё сильнее влекли к ней. Лёня мгновенно и ошеломляюще ощутил могучее, всепобеждающее, не поддающуюся никакому контролю страсть. И так уже до предела обострённые, его органы чувств пришли в неистовство: зрение, обоняние, слух стали просто звериными. Он стоял, подобно оборотню – вервольфу, вслушиваясь в её прерывистое дыхание, в её постанывания, горловые с хрипами, подобными тихому рычанию, чуя сразу весь её запах: тела, волос, лона, подмышек, ануса, запах предельно возбуждённой самки. Одежда её уже не была для него препятствием, он видел и чуял её всю, каждую мельчайшую деталь её тела, ему казалось, что он видит её даже изнутри: её неистовое желание соития, жажду самца, первобытную, без всяких условностей и преград. Всё её тело, казалось, раскрывалось, распахивалось как огромная, влажная, зовущая, горячая воронка плоти, оно пылало, оно жаждало отдаться дикому зверю! Женщина, как будто почуяв Лёнино присутствие, задышала ещё чаще и судорожней, стоны стали громче, движения таза, бёдер сильнее, при этом лона её, сочащееся соком желания приоткрылось, увлажнённое, вокруг него влажно заблестела нежная кожа внутренней поверхности бёдер. И запах, запах усилился и Лёня, почуяв это, совсем обезумел от страсти, он возжелал эту самку так, как никогда и никого не желал даже в юности, он забыл всё что было до этого момента, кто он и что он, зачем он здесь! Цивилиза-

ция, знания, культура, учёность, этика, мораль всё мгновенно исчезло, испарилось в никуда, кануло в бездну. Возле пахнущих порохом руин беседки, среди первозданной тропической растительности стоял дикий во всех смыслах пещерный человек, одержимый всепобеждающей страстью к жаждущей его самке. Мгновение, и, отбросив автомат, сдирая с себя одежду, рыча от страсти, он кинулся к самке, неистовый и неостановимый! Глаза его устремлены на женщину и видят только её ягодицы, бедра и вожащенное жаркое лоно, его ноздри расширились, он упивается её запахами, всё его существо сейчас, вся его сила, его энергия сосредоточены в головке его члена, напряжённого так, что, кажется, с потоком спермы он выплеснется в неё весь до последней клетки своего организма. Ничего и никого больше нет, только он и она.

Но что это, кто это посмел встать на его пути!? Мужская фигура в камуфляже, безоружная, вынырнувшая мгновением раньше из кустов с другой стороны руин, уже рядом с женщиной и намерения его очевидны! Хаос мыслей заметался в оставленном разумом мозгу Лёни: "Похож на Веню! Веня!? Веня здесь, сейчас, у меня на пути!? Почему, зачем!? Нет, нет! Он мешает, пусть уходит, пусть уйдёт сам!" Ярость мгновенно проснулась в Лёне, бешенство, неконтролируемое, неостановимое поднялось в нём волной цунами, окончательно отключив разум!

– Уходи, – рычит Лёня, – уходи нахуй! Вали отсюда!!

Но Веня не чувствует, не слышит его, он так же одержим. Лёня, рыча как дикий зверь, хватается Веню за одежду, волосы, срывая его с женщины. Веня, полуобернувшись, не взглядывая даже на Лёню, не узнавая, в расширенных зрачках, в глазах его безумие, страсть, вожделение, отталкивает и отталкивает Лёню, отрывая от себя его руки. Камуфляж Вени распахнут, брюки спущены, член выпирает под острым углом, почти упираясь в живот. "Отвали, – рычит Веня, – уйди нахуй, убью, блядь, сука!"

В глубине помутившегося от страсти сознания Лёни слабо брезжит: "Это же Веня, друг, друг детства, это же Веня..." Но первобытный, древний, беспощадный закон уже вступил в свои права и полностью подчинил и руководит Лёней: "Выживает сильнейший, самый жестокий и безжалостный". Левая Лёнина рука перехватывает левую руку Вени, пытающегося, рыча, оттолкнуть Лёню, а правая автоматически выхватывает из ножен на правом бедре "Гюрзу" и возможным ударом под левую лопатку пробивает сердце друга детства Вени. Два судорожных всхлипа – и всё кончено. Окровавленный нож отработанным движением отправлен в ножны. Теплый труп Вени двумя руками могучим рывком заброшен в кусты за руинами как мешок...

И вот оно вожделенное тело, препятствий нет, уже ничто и никто не остановит Лёню – жестокого и могучего самца!

Жадно, продлевая наслаждение предвкушения, обнюхав женщину, впитывая её запах, Лёня, сжав пальцами с силой и

раздвинув ягодицы, со стоном вошёл в неё сзади, заполнив её всю и ощутив, как она приняла его всего, жадно захватив в свой невыносимо сладкий плен, застав влекуще. Сильно и мощно двигаясь, он чувствовал каждой клеткой своего тела её горячую, влажную глубину. Она стонала и стонала, принимая его, подаваясь ему навстречу, и первый раз он извергнулся очень быстро, рыча и долго содрогаясь, но ничуть не опал, наоборот, силы его только прибывали. Лёня продолжал двигаться всё также мощно, как будто он весь стал только членом, как будто желая полностью вбиться в неё, остаться в ней, раствориться, а она принимала и принимала его так, как будто рожала наоборот, затягивая в себя, как плод, как ребёнка. Как же она стонала, как пахла, как пах её пот, её лоно, её дыхание! Он легко, как невесомую, перенес её с камней на траву, положив на спину, овладевая вновь и вновь, не могуще никак насытиться, напиться ей до конца. Он вдыхал и вдыхал её запах, пил и пил её дыхание, впивался в её губы, целовал, сосал, кусал их, лизал лицо, кусал темный пушок над верхней губой, мочки ушей, хватал и тянул её волосы, целовал, кусал горло, шею, тёрся об неё всем своим телом, опять лизал, кусал, щипал, жестоко, сильно, сжимал, не сдерживаясь несколько, её ягодицы, лобок, грудь, засовывал пальцы ей в лono, в анус, в рот, не выходя из неё, не опадая, и извергался, извергался, извергался в неё бесконечно. Он как будто ел её, жрал ненасытно всем своим существом, желая проглотить всю, и она желала того же, и одновремен-

но, как-будто хотела сама поглотить его, окутать его и переварить, оставить в себе навсегда, отвечая ему с неменьшей страстью всем своим существом: лоном, бедрами, ягодицами, грудью, прекрасным, жадным и сильным телом. Тёмные, большие соски её груди стали твёрдыми, пышные груди, живот, плечи, бёдра, всё тело было истерзано, измучено Лёней. Обнажённые, в мороке безумной нескончаемой страсти они боролись и боролись. Ничего и никого небыло вокруг: ни гор, ни неба, ни деревни, ни войны, ни отряда, ни родины, ни семьи, ни трупа лучшего друга детства, убитого Лёней легко и непринужденно... Были только они двое, два пещерных, древних человека, два неистово сплетённых в одно целое сильных и здоровых тела. Женщина, вероятно, пришла в себя ещё в начале соития, но и её поглотило это безумное пламя первобытной страсти, лишила разума сила и нескончаемость оргазмов от спаривания со сверхмогучим самцом. Она, порой, приоткрывала глаза, с расширенными, черными как бездна зрачками, но в них небыло мыслей, только страсть, безумная и всепоглощающая. Она стонала утробно, неистово, горлово, подаваясь и подаваясь всем телом, нет – всей сущностью своей навстречу самцу. Слияние их стало абсолютным, и длилось, и длилось на самом пике абсолюта, и в какой-то миг невозможно стало понять, где и кто из них самка, а кто самец, или же здесь зародилось одно, стонущее и рычащее существо, более неразрывное и неразлучное никогда...

Выстрел в упор из двух стволов, раздробил голову самца так, что выплеснулись мозги с осколками черепа, далеко вокруг забрызгав траву. Часть крупной дроби из одного ствола застряла в мозгу самки.

Умерли оба мгновенно на самом пике наслаждения, так и не разжав объятий, слившись двумя расплавленными пластилиновыми фигурками.

Ворвавшийся чуть погодя на звук выстрела отряд обнаружил эту ужасную картину.

Никто не сблевал, не упал в обморок, все в отряде были выдавшие виды.

Боевую задачу не отменяли и отряд, пройдя через село с зачисткой, хотя там зачищать и изначально уже было особо нечего и некого, убийцу, естественно, не обнаружил, да особо и не искал.

Никаких документов при убитых, не имелось, вербовались они изначально со строгим соблюдением секретности: электронная почта и телефоны вербовщика были, естественно, разовые. Прибыли эти двое в "турпоездку" транспортным "бортом", как и весь отряд, нелегально. Родным своим они сказали, что поехали на вахту на остров Сахалин...

В отряде эти двое ни с кем особо не общались, держались особняком, всё вдвоём и вдвоём, как гомики какие-то, ни-

кто из отряда ни горевать по ним, ни беспокоиться о достойном погребении, или же родственников искать, чтоб сообщать печальную новость, не станет.

Их скоренько прикопали в том же саду, а уже поздно вечером командир Петя, с двумя незнакомцами в натовском дорогом мультикаме без знаков различия, вернулись на БТРе с группой силового прикрытия, вырыли трупы и, упаковав в спецмешки, перевезли в другое место, где, изуродовав лица, кисти рук, дабы максимально затруднить возможное (теоретически) опознание, напялив камуфляж, как у боевиков, или с боевиков же снятый, наснимав фото и видео для отчёта о "нападении группы вооруженных боевиков", за что дополнительно им будет выплачено приличное вознаграждение, кинули небрежно, вповалку в выкопанную в укромном месте яму, залили спецсредством, чтобы не раскопали животные и засыпали землёй, замаскировав дёрном.

Мир не перевернулся.

Только где-то в России девочка, девушка, женщина по имени Лиза всю свою жизнь будет ждать своего непутёвого, но такого любимого татэлэ. Будет горько и безутешно плакать ночами. И всю жизнь, благополучно выйдя замуж, родив детей, будет с присталью вглядываться в лица встречаемых, сначала средневозрастных, потом пожилых мужчин, в надежде встретить и обнять своего навечно любимого папу Веню...